

Из воспоминаний бывшей связной.

Мне исполнилось 90 лет. Жизнь прожита. Всё было: радость встреч и горечь расставаний, боль потерь и счастье обретений. Смотрю в зеркало: морщинистое лицо, сдвинутые брови, ясные глаза. Да, ясные, потому что видят и сейчас то, что было много лет назад. И прошлое видится как сейчас: отчётливо, ярко, в деталях.

1941 год... Мне одиннадцать лет. Осенний хмурый денёк. Я в шкафу за множеством платьев, пиджаков. Слышу, как падают фотографии, картины, стулья, как бьётся посуда и горшки из-под цветов. Из глаз текут слёзы. Страх захватывал всё больше и больше, но в голове слова мамы: «Не высовывайся, ничего не говори, сиди тихо, чтобы не случилось!» Истошный крик матери, выстрелы, кровь. Потом всё стихло, и я выбралась из своего убежища. Кругом разбросанные вещи, поломанная мебель, мама и папа лежали на полу в неестественных позах, и алая кровь повсюду. Я присела рядом с ними на корточки и начала трясти их тела, крича: «Мама, папа, вставайте, не пугайте меня... Очнитесь, пожалуйста!» Гробовое молчание. Слёзы душили меня. Дикий стон, который я издала, мог убить человека, настолько он был пронизан болью и страхом...

Это чудо, что я осталась жива. Отца не призвали на фронт, так как он работал на оборонном заводе инженером. Когда немцы подошли к городу, он до последнего пытался уничтожить важные бумаги, поэтому эвакуироваться мы не успели. Они погибли, а я спаслась. Растерянная и подавленная, я вышла из дома и побрела по улице, не зная куда. Солнце будто специально пряталось, а белые и пушистые облака превратились в черные и грозные тучи. Деревья не тянулись вверх, а наоборот, опускали свои ветви, будто преклоняясь перед землей.

Всё плыло перед глазами, наверное, я упала в обморок, потому что не помню, как очутилась в незнакомом доме. Женщина в белом платке и переднике хлопотала около меня. Тётя Зина (как я узнала позже) подобрала меня и уже несколько дней пыталась вернуть к жизни. Горячка отступила, но

боль душевная раздирала моё сердце. Я ни с кем не разговаривала, только лежала, уткнувшись в подушку, а перед глазами истерзанные тела родителей в луже крови.

Больно вспоминать. Наверное, именно тогда около губ образовалась тонкая складочка, и улыбка перестала казаться беззаботной и счастливой и выражала состояние постоянной глубокой грусти.

Тётя Зина и её муж Михаил относились ко мне как к родной дочери. В их семью тоже пришла беда: за неделю до вторжения немцев в наш город они получили похоронку – погиб их единственный сын Егор. Тётя Зина плакала по ночам, а дядя Михаил часто моргал глазами и теребил свою фуражку. Моя боль и их страдания всё больше сближали нас, и вскоре они стали для меня самыми дорогими людьми.

Чем больше проходило времени, тем сильнее росло желание отомстить фашистам за смерть родителей и гибель сына тёти Зины и дяди Михаила. Я замечала, как иногда к нам в дом приходила молодая девушка, они с дядей Михаилом о чём-то шептались за сараем, а потом он на несколько дней уходил куда-то, а тётя Зина говорила, что муж ушёл в соседнюю деревню за продуктами, а сама все ночи напролёт тревожно глядела в окна. Однажды я увидела ту девушку, которая приходила к нам, около немецкого штаба, да ещё в немецкой форме. Мысли роем носились у меня в голове. Я догадалась, куда исчезал дядя Михаил, ведь война делает нас взрослее и мудрее раньше. Кроме того, легко было сопоставить факты: после его возвращения то колонну немецкую обстреляют, то патруль перебьют, то раненых освободят.

Этой ночью, как только я легла спать, размышляя об увиденном, раздался судорожный стук в дверь. Тётя Зина открыла дверь и ахнула: дядя Михаил рухнул на пол. Я выбежала в сенцы, глаза помутнели. Кровь, алая кровь, как тогда... Но тётя Зина крикнула, чтобы я несла воды и белую простынь. Дальше всё как в тумане... Я что-то делала, приносила, бегала по дому. Пришла в себя, когда дядя Михаил лежал на постели. Он был слаб, но жив... Жив.

Сколько в жизни я теряла людей за свои девяносто лет, но никогда не испытывала того страха, который охватил меня в ту минуту:

- Дядя Михаил не умрёт?

- Нет, - ответила тётя Зина, - только никому нельзя говорить про случившееся.

Ты большая уже, всё понимаешь.

Так я стала большой. А вечером пришла та девушка (я даже имени её не знаю), поговорила с тётей Зиной, и тётя Зина засобиравлась в дорогу. А я твёрдо сказала:

- Нет. Пойду я, а вы должны ухаживать за мужем. У меня с немцами свои счёты.

И, наверное, я так уверенно произнесла это тоном, не допускающим возражения, что тётя Зина не стала спорить, а объяснила, куда нужно идти и что сказать. Это было моё первое задание. Потом были и другие. И каждый раз, когда взрывались мосты, обстреливались колонны, гибли фашисты, я ощущала чувство удовлетворения и радости: это месть за родителей, за Егора, сына тёти Зиной и дяди Михаила, за тысячи людей, что погибли от рук врага.

Даже сейчас, спустя почти восемьдесят лет, я ощущаю это состояние. Оно не забудется никогда. Оно стало частью моей души. Воспоминания, как калейдоскоп, складываются в моём сознании в отчётливую картинку, страшную картинку.

Зимний вечер. Я возвращаюсь с задания. Около дома вижу немцев, слышу ругань на ломаном русском, звук от ударов прикладом, стон тёти Зиной. Сразу стало всё ясно. Я спряталась у соседнего дома. Сердце бешено стучало... Закончилось всё быстро... Их увели... Больше я их никогда не видела живыми...

Два месяца я провела в партизанском отряде, а потом меня переправили в Москву в детский дом. Уже после войны, став взрослой, я вернулась в свой родной город и узнала о судьбе тёти Зиной и дяди Михаила. После длительных истязаний их расстреляли. Они похоронены на местном кладбище.

Жить в родном городе я не смогла, он перестал быть родным. Но ежегодно приезжала туда поклониться праху близких мне людей. Почти двадцать лет уже не была я там: возраст берёт своё, сил уже нет. Но мои внуки продолжают приезжать на могилы родных людей и ухаживают за ними. И это правильно. Память о страшных годах не должна кануть в Лету. Она должна всегда жить в сердцах людей.